

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МОСКОВСКОГО СЛАВЯНСКОГО КОМИТЕТА

(Из истории русско-болгарских связей после Крымской войны)

С. Никитин

Литература по истории славянских комитетов невелика. История Московского славянского комитета за первые десять лет его существования была изложена в небольшой работе секретаря комитета в 60—70-х годах проф. Н. А. Попова, вышедшей под названием «Из истории славянского благотворительного комитета в Москве», вып. I (М. 1871), вып. II (М. 1872). Помимо того, что она посвящена ограниченному периоду, к недостаткам работы следует отнести её панегирический тон и недопустимое обращение с документами, что обнаруживается при сличении опубликованных в брошюре с подлинниками. Так, например, можно отметить случай, когда автором цитированного документа названо лицо, не имевшее никакого отношения к его созданию. Ряд документов приведён неполно. Тем не менее это, по сути дела, единственный исторический обзор, в некоторых своих частях представляющий бесспорный интерес.

Традиция, идущая от Н. Попова, изображает возникновение Московского славянского комитета, первого по времени образования и основного по значению среди других комитетов, как результат инициативы группы московских славянофилов и близких к ним деятелей литературы, науки и т. д. Но при этом умалчивается о ряде обстоятельств, весьма существенных с точки зрения происхождения данной организации.

В статье, опубликованной автором в 1946 г.¹, было показано, какое значение придавало русское правительство народам Балканского полуострова в период Восточной войны 1853—1855 годов. К широко известным фактам относится возникновение в 1854 г. одесского болгарского настоятельства. Не менее хорошо известно, что один из представителей одесской болгарской колонии, Н. Х. Палаузов, был главным пропагандистом болгарского дела в России и добровольным представителем в ней болгарских интересов. Его обращения к кн. М. Д. Горчакову, кн. Паскевичу, гр. Д. Блудову, начальнику штаба южной армии кн. В. И. Васильчикову и некоторым другим давно известны по публикации П. Барсова². В последнее время выяснилось, что Палаузов обращался к гораздо более широкому кругу и официальных лиц и деятелей, сочувствовавших болгарам. Его записки обнаруживаются у ген. С. А. Хрулёва, состоявшего в период дунайской кампании при главнокомандующем кн. М. Д. Горчакове³; он адресовал их новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору Н. Н. Анненкову⁴. Мы находим их в архиве М. П. Погодина⁵; тесная связь имела между Палаузовым и архиепископом херсонским и

¹ «Вопросы истории» № 4 за 1946 год «Русская политика на Балканах и начало Восточной войны»

² Барсов П. Тридцатилетие одесского болгарского настоятельства, стр. 30. Одесса, 1895.

³ Орешков Г. Неизвестна преписка на монастирите Соколски и Рилски о Н. Х. Палаузов 1845—1854 г.г. Сборник на българската академия на науките, кн. XXXVI/13 София, 1940—1942

⁴ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦИАЛ), ф. Васильчикова, № 444. Записка от 20 октября 1854 года

⁵ Рукописный отдел библиотеки имени Ленина. М. 3041—15.

таврическим Иннокентием. Из архивных материалов Палаузова и Васильчикова⁶ видно, что число различных обращений и записок Палаузова было весьма велико, а деятельность его, не прерываясь на протяжении всей войны, продолжалась и после заключения Парижского мира.

О целях, которые преследовали одесские болгары, объединившиеся вокруг Палаузова, наиболее влиятельного и видного их представителя, даёт ясное представление его же записка: «Преданность их (болгар.— С. Н.) к России несомненна. Но надобно уверить их, в каких видах Россия готова пособить им, уверить посредственно или непосредственно, что страдания их известны, что Россия заботится об улучшении их участи и находит возможным их освобождение»,— писал Палаузов. Освобождение Болгарии с помощью России, поддержка последней болгарского восстания, взаимодействие вставших болгар, число которых, по мнению Палаузова, достигает 100 тыс., с русской армией в целях освобождения — таковы основные мысли Палаузова. В них, с одной стороны, видна готовность идти навстречу надеждам правительства Николая I на восстание балканских народов; с другой — стремление воспользоваться русской силой для освобождения своей угнетённой родины. Деятельность одесской болгарской колонии получила отражение и за рубежом: в Бухаресте сложилась подобная же организация местных болгарских купцов — «Добродетельная дружина». В России же она сблизила ещё сильнее официальные и неофициальные русские круги с болгарами. И до Крымской войны в России хорошо знали болгар. Они учились в Московском, Новороссийском университетах, Ришельевском лицее (Одесса), семинариях и т. д. В Одессе давно существовала болгарская колония, и видные её деятели были известны в России⁷. Болгары, получившие в России образование, поддерживали связь с Россией. Так, из давно опубликованной переписки А. С. Хомякова и работы Барсукова о Погодине хорошо известно о связях московских славянофилов с З. Княжеским. Известная публикация Н. Попова⁸ показала отношения Погодина с С. Филаретовым. Некоторые болгары (Н. Геров) выполняли отдельные поручения правительства и до образования настоятельства. Но все эти отношения были более или менее случайны, носили главным образом частный характер, связь была неорганизованной и личной. Образование одесского настоятельства изменило положение. Это была организация, получившая право представительства, право сношений с официальными лицами и учреждениями. Вот почему и по окончании войны одесские болгары вели борьбу за сохранение настоятельства и окончательную легализацию его.

Но настоятельство, средство удобное и важное в мирное время как орудие связи с зарубежной Болгарией и как орган представительства и ещё более важное в военное время, было недостаточным в условиях после Парижского мира, и болгары быстро осознали это. Задачи настоятельства состояли в помощи зарубежным болгарам путём сбора денежных сумм, которые по окончании войны могли быть использованы для финансирования учебных заведений и «вообще для разных общепольных

⁶ ЦГИАЛ, ф. Васильчикова, 453. Письма Н. Х. Палаузова В. И. Васильчикову.

⁷ Они и до образования настоятельства обращались к русским официальным лицам по отдельным вопросам. Так, 24 сентября 1853 г. Н. Палаузов написал записку поверенному в делах в Константинополе Александру Петровичу Озерову о необходимости открытия в Болгарии шестиклассного центрального духовного училища для подготовки священников и учителей, с программой, близкой к русским семинариям. Он хотел иметь 40 стипендий за счёт русского правительства; остальные учащиеся должны были содержаться на свой счёт. Но среди болгар возникли споры о месте устройства училища. Геров предлагал Пловдив, Палаузов — Габрово. Н. П. — Документы от времени, на Българското възрждание. Периодическо Списание 1899, кн. 58, стр. 619—629.

⁸ Письма М. П. Погодину из славянских земель (1835—1861) под ред. Н. Попова. М. 1878.

дел» в Болгарии⁹. Но исход войны выдвинул новые вопросы, совсем не благотворительные, а политические: сохранит ли Россия после поражения в Крымской войне то политическое влияние, каким она ранее пользовалась в Болгарии; могут ли болгары, всегда ориентировавшиеся в своих надеждах на освобождение на Россию, и впредь ориентироваться на неё, могут ли болгары в завязавшейся греко-болгарской церковной борьбе опираться на могущественную русскую православную церковь?

Один из болгарских деятелей писал министру иностранных дел кн. А. М. Горчакову 11 апреля 1856 года: «Вы совершенно поймёте побуждения, которые ныне заставляют высказать славянам причины заключения мира, как некогда я объяснял причины объявления войны, изложить просто и ясно на их родном языке, что если война прекращена, то только потому, что цель её достигнута; наконец, доказать, что право и свобода вероисповедания для райев добыты собственно Россией, а не другими державами. Это, по-моему, тем необходимее сделать, что уже появилось много брошюр и газетных статей, стремившихся уверить славян в противном, в совершенный ущерб нашего на них влияния»¹⁰. Практичный болгарин вдохновлялся не отвлечённой идеей славянских связей, не русскими интересами, а соображениями гораздо для него более реальными — интересами самих болгар.

Не следует забывать, что поражение царской России убило то течение болгарской буржуазной общественной мысли 50-х годов, представители которого возлагали надежды на непосредственное освобождение Болгарии русской армией. Поэтому тем сильнее теперь обнаружились тенденции, заглохшие во время войны, тенденции, отражавшие буржуазно-национальную программу освобождения, которые теперь могли возродиться вновь. Представители этого течения стремились к освобождению болгарской церкви от засилия греков-фанариотов. Завоевание независимой национальной церкви рассматривалось ими как исходный пункт дальнейшей борьбы за национальное освобождение. Во главе этого течения стояли представители купеческо-чорбаджийских слоёв, которые вели борьбу за церковную свободу до конца. Но во второй половине 50-х годов борьба против греческого засилия вызывала сочувствие у широких демократических кругов болгарского общества: задача самостоятельной борьбы за политическую независимость поставлена ещё не была.

Среди светских деятелей — участников борьбы за самостоятельность церковную в Болгарии — был человек, связанный с русскими дипломатическими сферами, даже состоявший на русской дипломатической службе, — Найден Геров. Получив образование в России (Героу учился в Рихельевском лицее), он уехал в Болгарию, где был учителем, затем, перед Крымской войной, был консульским агентом в Пловдиве (Филиппополь). После окончания войны он пробыл некоторое время в России, а затем был послан консулом в Пловдив, где до того не имелось консульства: оно было открыто Геровым.

В 1856 г. Геров находился в России. Это время — период его оживлённой деятельности. Шли переговоры о новом назначении его. Министерство иностранных дел поручило ему делать извлечения, рефераты из болгарских и греческих сочинений, характеризующих отношение болгарского народа к России, отношение болгар к церковному вопросу. Независимо от того Геров составил ряд записок, посвящённых болгаро-русским делам и отношениям. Одни из них были направлены в официальные сферы, другие адресованы отдельным лицам. Геров ловил всякий слух, могущий указать направление, в котором нужно действовать.

13 января 1856 г. студент Московского университета болгарин Савва

⁹ Барсов П. Указ. соч., № 7—8.

¹⁰ Из архивата на Н. Геров. Т. I, стр. 473. София. 1911.

Филаретов писал из Москвы Герову о посещении Погодина, передавая его сожаления, что в пребывание своё в Петербурге тот не видел Герова, и уверенность, что уныние болгар, как результат неудачного окончания войны, напрасно, что впереди дела («работы-ты») ещё предстоит много. Далее Филаретов сообщал, что Погодин пишет записку о южных славянах для нужд русских уполномоченных на Парижском конгрессе¹¹. Эта информация заинтересовала Герова; он, очевидно, наводил какие-то справки, а через две недели отвечал Филаретову: «Погодинские записки, насколько я мог узнать, читаются как литературные произведения. Но так как их всё-таки читают, то польза от них будет всё же значительная (по-гольма), если дело в них будет изложено верно»¹². Геров решил обратить внимание Погодина на «самое важное обстоятельство, т. е. на духовное наше иго от греков», и написать ему, так как не имел возможности приехать в Москву для переговоров. Действительно, на следующий же день (26 января 1856 г.) Геров обратился к Погодину с большим письмом. В нём автор излагал свои соображения по болгарскому церковному вопросу. Геров первым, насколько мне известно, из болгарских авторов, писавших в России, высказал положение, встречавшееся затем и у других, например, у Даскалова: «Как ни тяжело ярмо турок, однако, оно всё не так пагубно для нас, как духовное иго греков... Первое не допускает к развитию, под вторым мы истлеваем нравственно». От болгарских буржуазных авторов это положение усвоили славянофилы¹³.

Далее Геров отмечает недавние попытки болгар свергнуть духовное иго греков, попытки, в которых они сталкивались с наличием русского покровительства грекам. Это вызвало разочарование и повело к утрате русскими их влияния на болгар. А так как иго слишком тяжело, чтобы его терпеть, и борьба за свержение его будет продолжаться, то возникает опасность со стороны западных держав, которые могут воспользоваться обстоятельствами «ко вреду нашему». Сами болгары тяготеют к России, и если они отшатнутся к государствам Запада, то только потому, что не видят поддержки России, потому что утопающий хватается за соломинку. Мысль о возможности уклонения болгар в сторону западных держав повторяется в записке не один раз. С нею сплетается указание, что если это произойдёт, то виновной будет Россия, которая не оказала должной поддержки болгарским стремлениям. И всё это завершается раскрытием программы болгар; особо подчёркивается её умеренность, отмечается, что она может быть осуществлена «только при содействии России». Сама программа сформулирована так: болгары стремятся не к выходу из подчинения константинопольскому патриарху, «болгаре желают только, чтобы эта церковь (константинопольская.— С. Н.) была приведена в надлежащее устройство, сообразно с потребностями и в видах общей пользы всех народов, которые подчинены ей, чтобы не было исключительности в пользу одних греков при выборе её представителей, равно и в раздаче высших духовных чинов; чтобы духовное управление было правильное, чтобы архиереи были истинными пастырями духовного своего стада, а не волки, терзающие оное, и прочее тому подобное»¹⁴.

Записка кончается выражением сожаления по поводу того, что автор её, имеющий много данных, на которые он хотел бы обратить внимание начальства, не располагает возможностью доставить свои сведения куда следует, не знает взгляда государственных людей на дела Востока, боится, что его представления не будут иметь успеха. Поэтому он желает, чтобы представления в пользу болгар делались людьми, имеющими вес.

¹¹ Из архивата на Н. Геров. Т. II, стр. 454.

¹² Там же, стр. 456.

¹³ Ср. Хомяков. Соч. Т. I, стр. 376. 4-е изд.

¹⁴ Из архивата на Н. Геров. Т. II, стр. 192.

Это было прямое обращение к Погодину с просьбой о выступлении в желательном Герову направлении.

Уже 1 февраля Филаретов, лично передавший это письмо Погодину, отвечал Герову. Филаретов сообщил, что при передаче письма состоялся разговор, из которого выяснилось, что Погодин пишет не официальную записку для уполномоченных; такая записка составлена была Ковалевским. Свою записку Погодин думал послать вел. кн. Константину Николаевичу. Он обещал использовать письма Герова, а со своей стороны, убеждал в необходимости одесским и бессарабским болгарам подать прошение царю через верные руки, с изложением их нужд и с указанием на то, что можно было бы в настоящее время сделать для улучшения участи задунайских братьев. Он полагал, что это может быть что-либо вроде положения церкви в Молдавии и Валахии, т. е. право народа иметь своё национальное духовенство с сохранением подчинения этого духовенства патриархии. «Таково мнение Погодина, или он усвоил твоё мнение и в таком духе пишет и внушает кому может»¹⁵. Ничего,—ободрял дальше Филаретов Герова,— что его записки читаются как литературное произведение, на это и сам Погодин жалуется, но при «всём равнодушии безжалостных космополитов мы видим, что его усилия не остаются совсем бесполезными». Филаретов сообщал московские слухи о пребывании Ковалевского (директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел) в Петербурге и советовал увидеться с ним и изложить тому всё, что знает Геров. «Говорят,— пишет Филаретов,— что он очень добрый и разумный человек» (дип добръ и разбранъ челякъ). «Так, братец,— заканчивает он эту часть письма,— скажем себе и в другой раз, что мы должны приготовить если хотим есть: чужое всегда чужое, но что же поделаешь? приходи зло, потому что без тебя еще хуже» (ела зло, че безъ тебѣ по-злѣ), — заканчивает он поговоркой¹⁶.

Геров подхватил мысли и Погодина и Филаретова, но отнёсся к ним неодинаково. Погодинскую идею прошения царю он одобрил, но высказал опасение в своевременности осуществления её, пока неизвестно, как сложатся отношения на конференции. Когда будут ясны условия мира, тогда будет виднее, как можно действовать. Что касается мысли Филаретова о необходимости связаться с Ковалевским, то за две недели протекшие от момента написания изложенного письма Филаретова до ответа Герова, эта мысль была уже осуществлена. 13 февраля Геров писал: «С ген. Ковалевским я познакомился, на этих днях говорил с ним и остались согласными»¹⁷.

С этого времени Геров старался использовать установившиеся связи, расширить и укрепить их во имя тех же целей, ради которых писал и Погодину, — «за народны те работи».

Как видно из обширной переписки, к общему делу были причастны Денкоглу, Палаузовы¹⁸, Тошкович¹⁹ и студенческая болгарская молодежь в Москве — Даскалов, Попович и некоторые другие. Этому кругу необходимо было не только установить связь с представителями русских правящих сфер, но и воздействовать на них для направления, насколько это было возможно, русской политики в желательное для болгар русло. Болгары понимали, что они могут добиться успеха лишь в том случае, если «народны те работи» будут как-то связаны с русскими устремлениями и желаниями, так как конкретное содержание пунктов Парижского мира²⁰, важных с точки зрения возможности выдвигать те или иные по-

¹⁵ Из архивата на Н. Геров. Т. II, стр. 457.

¹⁶ Там же, стр. 458.

¹⁷ Там же, стр. 459.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, стр. 398—399.

²⁰ Мир был подписан 18/30 марта 1856 года. Записка помечена 23 марта.

желания в прощении на имя царя, было неизвестно. Было ясно, что Россия не сможет и не захочет отказаться от связей с Балканами, от попыток влиять там и на ход дел и на отношения к ней населения; что она не оборвёт исконных церковных связей с Востоком. Все эти соображения и лежат в основе записок, которые вслед за тем Геров адресовал уже не литератору Погодину, а одному из руководителей восточной политики России.

23 марта 1856 г. Геров представил директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел Е. П. Ковалевскому записку о торговле в Болгарии церковными книгами. В ней он излагал историю снабжения Болгарии такими изданиями, указывал, как велика потребность в них теперь, и предлагал, чтобы правительство продавало их по казённой цене, отдавая через консульства на комиссию училищам и частным лицам. Такая мера предупредила бы замыслы австрийцев, собиравшихся печатать книги специально для Турции²¹.

11 апреля Геров направил кн. А. М. Горчакову записку, в которой обращал внимание на малочисленность русских негласных агентов на Балканах («Сколько мне известно, едва ли не через одного меня поддерживаются некоторые сношения с славянскими племенами») и желательность расширения этого круга. Расширение мыслилось им в двух формах. Полезно «иметь агентов из самих местных жителей, хотя бы при наших консульствах, и доверенных депутатов от славянских племён Турции в Петербурге, которые бы объяснили здесь о нуждах народных и поддерживали влияние наше на славян, подрываемое европейскими агентами». Доверенные могли бы пребывать в Петербурге не с политическими целями, а в качестве наблюдателей за учащимися-болгарами, число которых следует увеличить для отвлечения их от учебных заведений Парижа и Вены²². Дальше читаем: «Может быть, правительство не пожелает тратить суммы как на содержание воспитанников (из славянских племён, так и на многосложные сношения с ними или найдёт это почему-либо затруднительным, в таком случае оно оказало бы важную услугу нашим единоверцам в Турции, если бы разрешило составить общество в видах поддержания церкви, развития просвещения и вспомоществования бедным единоплеменникам нашим. Я слишком далёк от мысли, чтобы общество это было в состоянии соревноваться со всемогущим обществом католической пропаганды, имеющим такое благотворное влияние на своих единоверцев в Турции, однако, надеюсь, что оно найдёт сочувствие в России и между православным населением других земель»²³. Одновременно с этой запиской Геров представил ещё две, составленные, по его словам, другими лицами, и выписки из писем, полученных из Болгарии. Такими сведениями, заимствованными из частной переписки, Геров снабжал и Ковалевского²⁴. Содержание трёх последних документов нам неизвестно.

Геров направлял свои записки важным для него лицам в Министерстве и после отъезда из России. В декабре 1856 г. с дороги из Бухареста

²¹ Из архивата на Н. Геров Т I, стр. 901—902.

²² Нельзя не отметить некоторого сходства между предложениями Герова и пожеланиями Н. Х. Палаузова, одного из виднейших представителей одесских болгар, выраженными в его записке от 20 января 1854 года. В этой записке Палаузов предлагал создать три группы агентов: первую — из болгар, состоящих при главной квартире в качестве депутатов, подающих прошения и замечания русскому военному начальству по поводу мероприятий в отношении болгар и получающих от военных властей приказания и т. п., вторую — из избранных депутатами в качестве агентов посыльных и т. п., третью — из переводчиков при начальниках отдельных воинских частей. Несмотря на различные условия и цели, оба документа стремятся окружить русских деятелей болгарами, передать в их руки часть реализации соответствующих планов. Сходство мотивов свидетельствует о том, что Геров и Палаузов были выразителями взглядов одного круга.

²³ Из архивата на Н. Геров. Т II, стр. 474.

²⁴ Там же, стр. 903.

Геров прислал Ковалевскому ещё одну записку. В ней он сообщал о настроениях болгар в княжествах, о жадном их интересе ко всяким сведениям, имеющим отношение к направлению русской политики, о стремлении отдать себе отчёт относительно возможной в ближайшее время международно-политической конъюнктуры. Болгары стремятся быть полезными своим соотечественникам за Дунаем, — сообщал Геров, — но стесняются в своих действиях тем, что являются подданными иностранных государств. Они были вынуждены принять иностранное подданство в целях получения защиты. В то время как все государства предоставляли своим консулам право принимать в подданство, Россия этого не делала, — говорится в записке, — «и таким образом лучшие из болгар, которые могли послужить вернейшим проводником влияния России, чего и сами желали, принуждены были для ограждения хоть личных своих выгод принимать подданство других держав и поневоле делаться проводником их влияния.

Переход в подданство других стран — простая сделка, оплачиваемая несколькими червонцами, в результате которой даже на приказчиков и товарищей болгарских купцов — иностранных подданных — распространяется в Турции защита соответствующей страны. Бухарестские болгары надеются, что и русские консулы будут так же легко принимать в подданство, «тогда многие из разных подданных перейдут в русское подданство и, покровительствуемые русскими консулами, не будут стесняться местным начальством, которое также не благоприятствует проявлению болгарской народности, а постараются быть полезными своему народу». Кроме того, по словам автора записки, болгары очень интересуются вопросом об увеличении числа русских консулов в Турции. «Все одинаково считают это необходимым как для оказывания покровительства христианам, так и для парализования влияния и происков агентов западных держав»²⁵, — пишет Геров.

Аналогичная записка была представлена 21 апреля 1856 г. Н. Х. Палаузовым В. И. Васильчикову²⁶. Записку об отношении болгар к России и русской политике болгарин из бомарских колоний в Бессарабии, учитель С. Радулов, направил в Министерство иностранных дел, а копию её — Погодину. По своему направлению она примыкала к запискам Герова и Палаузова²⁷. Все эти факты характеризуют идейно-политическое единство болгарского круга, стремившегося воздействовать на русское правительство.

Изложенные документы свидетельствуют о том, что в болгарской среде имелись элементы, которые стремились поддержать могущее упасть влияние России на Балканах, что они в своих выступлениях по этому вопросу исходили из интересов болгарского народа, хотя как русские подданные и, может быть, в силу связей, воспитания и искренней привязанности к России, а может быть, с целью заинтересовать правительство, они отводили определённое место русским интересам на Балканах.

Не ограничиваясь обращениями к руководящим правительственным деятелям, болгары стремились повлиять и на общественное мнение России, чтобы при помощи его оказать давление на правительство. Первой попыткой такого рода было обращение Герова к Погодину. Но попытка эта была не единственной.

В первой половине мая Геров приехал в Москву, связался с Погодиным, со славянофилами и был вполне удовлетворён, найдя в них таких людей, «как мы представляем русских и какими мы желаем, чтобы они были». Это «люди со славянским направлением и расположенные быть

²⁵ ЦГИАЛ, ф. Васильчиковых, № 453, л. 3 об.

²⁶ Там же.

²⁷ Рукописный отдел библиотеки имени Ленина. II. 11/27-37.

нам полезными. Правда, их немного, но предположения их велики, намерения тверды, а усердие безгранично»²⁸.

У Герова, естественно, возник вопрос, каким путём могут действовать и быть полезными эти расположенные к болгарскому делу люди. И он приходит к заключению, что всякие их действия в пользу болгар должны осуществляться через одесское болгарское настоятельство, которое, в свою очередь, будет сноситься с бухарестскими болгарам. Эти два общества смогут направить всё дело помощи болгарам на нужный и верный путь. «Но и без того здешние мыслят, что эти два общества будут весьма полезны народу», — пишет Геров. Переговоры, таким образом, установили наличие общих целей, согласие в вопросах о форме организации общего дела. Это был большой успех болгар.

В конце 1856 г. Геров уехал за границу. Но это не прервало идеологического воздействия болгар на русское общество.

В 1857 г. митрополит Филарет получил записку неизвестного автора «О распространении духовного просвещения в Болгарии через содействие России». Автор записки отмечал, что в связи с вестью о вызове в Россию из каждого восточного патриархата некоторого количества молодых людей для обучения в русских семинариях болгары опасаются, что они не попадут в число вызываемых, так как они желают иметь свою иерархию, а греки противятся этому. Греческое духовенство хочет внушить болгарам, что Россия равнодушна к ним, ссылаясь при этом на отношение России во время войны с Турцией; оно стремится доказать болгарам, что они не созрели для государственной самостоятельности. Но болгары не думают о собственном государстве, что же касается духовных постов, то среди них есть люди, учившиеся в семинариях и академиях, которые могут с успехом занимать болгарские кафедры. Если отбор будет поручен константинопольскому патриарху, он пошлёт греков, а если и попадут болгары, то худшие, неспособные, специально подобранные для того, чтобы доказать России нецелесообразность покровительства им. Болгары просят, чтобы отбор был поручен не патриарху, а русскому послу в Константинополе, русским консулам в болгарских городах или болгарскому обществу в Одессе²⁹.

В 1941 г. С. С. Дмитриевым был отмечен факт переговоров болгарского купца Кирковича со славянофилами в марте 1858 года. В результате этих переговоров Киркович составил записку о выгодах для русских купцов торговли с болгарами³⁰. Эта записка идёт из того же геровского круга. Пловдивские Кирковичи были родственниками Герова. Один из них был мужем его тётки по отцу.

Все эти факты говорят о достаточно широкой акции, которую развернули болгары, они свидетельствуют о том, что в переговорах и переписке с москвичами они также оперировали двумя параллельными рядами идей: мыслью об интересах болгар — это основное, и мыслью о русских интересах.

Мы видели отчасти, что в славянофильствующих общественных кругах мысли болгар находили сочувственный отклик. Что же касается правительственных сфер и русской политики на Балканах, не в общем её содержании³¹, а в отдельных, частных проявлениях, то можно отме-

²⁸ Письмо С. Тошковицу в Одессу от 24 мая 1856 года. Из архивата на Н. Геров. Т. II, стр. 397—398.

²⁹ Мнения, отзывы и письма Филарета, митрополита московского и коломенского, по разным вопросам за 1821—1867 годы, стр. 212—213. М. 1905.

³⁰ Дмитриев С. Архив редакции «Сельского благоустройства» (1858—1859). Записки отдела рукописей Всесоюзной библиотеки имени Ленина. Вып. X. Крестьянская реформа. М. 1941.

³¹ В общем её определяют следующие слова горчаковской депеши 1856 г.: «Востановить на востоке политику, которой требуют наши интересы, и в подходящий момент иметь уверенность в причитающейся нам доле. Таков принцип нашей нацио-

тить ряд её черт, невольно заставляющих вспомнить записки Герова и Палаузова.

Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что происходившее в 60-е годы расширение сети русских консульских учреждений (новые консульства в Пловдиве, Тырнове и других местах) находится в полном соответствии с предложениями Герова и Палаузова. Нельзя не отметить также, что уже в 1857 г. был направлен в Константинополь для Болгарии транспорт церковных книг³²; в следующем году было принято решение вновь послать книги и продавать их за полцены, что шло даже дальше пожеланий Герова³³.

Из сказанного можно заключить, что русское правительство отнеслось внимательно к благожелательному к России голосу компетентного человека. Руководясь собственными интересами и соображениями, оно считало целесообразным укрепить свои связи с Болгарией и сохранить своё влияние в Болгарии, а затем и в других областях Турции. Оно учло ряд соображений и пожеланий Герова и Палаузова — людей, влиятельных в болгарской среде, и активных деятелей сближения с Россией.

Нельзя не указать, что в правительственных кругах позиция и взгляды болгар находили поддержку со стороны ряда русских деятелей. Записка Палаузова от 21 апреля 1856 г. о предоставлении болгарам русского подданства вошла в качестве основной части в записку В. И. Васильчикова по этому вопросу, поданную в Особый комитет под председательством гр. П. Д. Киселёва³⁴.

12 декабря 1856 г. адрианопольский консул Ступин отправил Министерству большое и подробное сообщение о положении дел в Болгарии. Он характеризовал греческое засилие в школе, гонения греческого духовенства на славянский язык в церковном употреблении, отмечал издание славянских книг Австрией и Англией, их покровительство деятельности поляков в Болгарии и проникновению их в болгарские школы. Ступин делал вывод, что «первейшая и настоятельнейшая потребность состоит в богослужебных славянских книгах и учебниках, потом — в возможном покровительстве и пособиях нуждающимся православным церквям и училищам вообще»³⁵. Донесение Ступина обратило на себя внимание Министерства, было доложено Александру II и вызвало ряд практических мер.

В таком же направлении действовал А. В. Рачинский, в рассматриваемый момент — агент одесского настоятельства, позднее — вице-консул в Варне, известный лично ряду влиятельных лиц — Е. П. Ковалевскому, кн. В. И. Васильчикову³⁶.

Нельзя не учесть и того, что идея общества, занимающегося делами и сношениями со славянами, дана в записке Герова с вполне законченным кругом подведомственных такому обществу вопросов, почти точно повторенных затем в документах о создании Славянского комитета.

Нельзя упускать из виду, что аргументы Герова получили поддержку в недрах Министерства иностранных дел. Цитированная выше записка от 11 апреля 1856 г. была почти полностью повторена в письме Ковалевского Горчакову от 26 того же месяца, где в тех же выражениях изложена мысль о создании Славянского комитета³⁷.

нальной политики». Schüle. Russland und Frankreich vom Ausgang des Krimkrieg bis zum italienischen Krieg, S. 31. 1935.

³² Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита московского и коломенского, по делам православной церкви на Востоке, стр. 180—181. СПб. 1886.

³³ Из архивата на Н. Геров. Т. II, стр. 419.

³⁴ ЦГИАЛ, ф. Васильчиковых, № 453, л. 3, 108; № 430.

³⁵ Барсов П. Указ. соч., стр. 13—14.

³⁶ Там же, стр. 15. Приложение к брошюре «Тридцатилетие деятельности одесского болгарского настоятельства», стр. 6—7. Одесса. 1895.

³⁷ Отчёт Публичной библиотеки за 1885 год. СПб. 1888. Приложение, стр. 1—3.

Замолчать или обойти указанные факты — значило бы исказить картину создания комитета, выросшего не только на почве славянофильских идей славянского возрождения и братской поддержки, но и из реальных интересов самих славян, и в первую очередь болгар. Мы увидим, что этот несомненный факт найдёт своё отражение и в первых шагах московского Славянского комитета.

Когда я говорю о воздействии записок Герова, я представляю себе дело так, что налицо имелись готовые предпосылки, в силу которых соображения Герова являлись приемлемыми. Уже в предвоенный период русское правительство могло почувствовать целесообразность крепких связей с народами Балканского полуострова. В период войны оно могло убедиться в этом в ещё большей степени на примерах деятельности Ковалевского в Черногории, Базили — в Греции, Герова — в Болгарии, на опыте сношений с греческими гетеристами и т. п. Посылка в Болгарию, Сербию, Боснию церковных предметов не была новым делом. Такие эпизодические отправки делались и в официальном порядке Синодом и частными лицами. Такова, например, организованная Ф. В. Чижовым за счёт Голубкова отправка икон, облачений, книг в одну из далматинских церквей. Теперь речь шла о том, чтобы, введя это в систему, превратить благотворительность в политическое дело. Восприятие такой мысли было вполне естественно. И до Крымской войны Россия принимала в свои школы балканских славян; здесь были и черногорцы, и сербы, и болгары. Результат этой меры обнаружил себя кое в чём и во время Крымской войны. Можно было бы указать на позицию сербского митрополита Михаила, на организацию черногорских военных сил учившимися в русских военных училищах черногорцами, можно было бы отметить имена болгар Кишельского, Княжеского и др., развивавших активную прорусскую деятельность.

Новым из того, что предлагал Геров, чего почти не знала николаевская Россия (исключением было одесское настоятельство), было создание общества. Но пора была уже такая. Действовать через официальных агентов не всегда было возможно, и правительство пошло по пути создания ряда общественных организаций для Востока. В 1856 г. в Петербурге образовался благотворительный комитет в составе трёх титулованных дам: кн. Г. В. Васильчиковой, гр. Н. Д. Протасовой и гр. А. Д. Блудовой, — ставивший целью снабжение книгами и богослужебными предметами церквей и школ на Балканах. Организация этого комитета была санкционирована, он действовал вполне открыто, публикуя воззвания и отчёты в газетах³⁸.

В ноябре 1856 г. одесское настоятельство обратилось к архиепископу Иннокентию, указав на необходимость оформления настоятельства как общества для содействия образованию болгар, и просило быть его попечителем. Дело перешло в Азиатский департамент, где было сочувственно встречено Ковалевским, писавшим Иннокентию: «Мы не замедлим заняться им, постигая вполне важность предмета»³⁹. (Правда, затем вопрос этот, переданный в комитет министров, пошёл обычным медленным, бюрократическим ходом. Только 21 мая 1858 г. состоялось высочайшее утверждение одесского болгарского настоятельства.)

В 1856 г. вел. кн. Константин Николаевич направил в Палестину Б. П. Мансурова для обследования положения русских богомольцев и изыскания способов поднятия там русского влияния. По возвращении

³⁸ Отчёты о деятельности комитета титулованных дам свидетельствуют об узости его деятельности, направленной исключительно на сбор и передачу пожертвований церковными предметами, книгами, частично деньгами. Денежные пожертвования в большей своей части представляли номинальные вклады церквам или монастырям на Востоке. Частично были пожертвования в пользу школ. Вся деятельность комитета носила чисто благотворительный характер («Московские ведомости» от 22 марта 1858 года)

³⁹ Барсов П. Указ. соч., стр. 12.

он составил записку о поддержании русской миссии в Палестине, организации денежных сборов и т. п. В январе 1858 г. записка была подвергнута обсуждению в комитете министров и принята в качестве программы деятельности русской духовной миссии в Палестине⁴⁰.

В середине 1858 г. на основании письма посланника в Греции И. П. Озерова возник вопрос о мерах к поддержанию православия и церкви в греческом королевстве. Кн. Горчаков направил копию письма в Синод, а самое письмо, в котором содержалась мысль о необходимости организации общения русской и греческой церквей — об учёном и литературном содействии, — было доложено Александру II, который написал на нём: «Я совершенно согласен на все предлагаемые меры»⁴¹. Переговоры обер-прокурора гр. А. П. Толстого с представителями духовенства и преками, жившими в Петербурге, повели к мысли о создании греко-русского учёного общества. Были предприняты шаги по выработке устава и т. д.

Ещё больше оснований для сочувственного отклика на мысли Герова было среди некоторых общественных кругов в России, так как планы, сходные с предположениями Герова, возникли и разрабатывались у них в то же самое время вне зависимости от Герова.

Известно, что традиционное покровительство России христианам Востока признавалось славянофилами основой русской ближневосточной политики⁴², что во время Крымской войны среди них (так же, как и среди болгар) существовали надежды на разрешение восточного вопроса и восстановление славянского мира⁴³.

В неопубликованной записке К. Аксаков определял задачу так: «Турецкая власть в Европе — позор христианства, добровольно до сих пор терпимый христианскими могущественными народами, должна исчезнуть. Что же потом? Славянские народы должны быть освобождены и составить по народностям своим отдельные княжества, должны находиться под покровительством России, как теперь Сербия»⁴⁴. Сразу после опубликования условий Парижского мира Хомяков говорил: «Если бы нам удалось теперь окончательно отказаться от наших прежних ошибок и открыто и всецело соединиться с Францией, бросить Германию, обратить все наши симпатии на славянские народы, не вмешиваться в полицейские дела других государств, — мы бы ещё всё наверстали»⁴⁵.

Приведённая запись относится к 25 марта 1856 г., а к 24 мая того же года относятся сведения, идущие из другого источника, — письма Герова Стефану Тошковичу, в которых он пишет по поводу своих встреч и разговоров с московскими славянофилами: «Между другими делами они сговариваются испросить позволение правительства, чтобы составить общество для вспомоществования православным христианам в Турции, для просвещения их и пр., и из этого может нечто выйти, так как мысль о таком обществе имеется и у других независимо от здешних»⁴⁶.

Относительно этих «других» можно только высказать предположение, так как никаких данных пока в нашем распоряжении нет. Геров прибыл в Москву из Петербурга, где он общался с Ковалевским и другими деятелями министерства иностранных дел, его записка с предложением создать общество была уже подана. Весьма вероятно, что Геров не

⁴⁰ Тютчева А. При дворе двух императоров. Ч. 2-я, стр. 144—145. М. 1929; Порфирей Успенский. Книги бытия моего. Ч. 7-я, стр. 152, 155. СПб. 1901; ЦГАДА. Зимний дворец № 2538а. Копия дневника А. С. Меншикова.

⁴¹ Мнения, отзывы и письма Филарета, стр. 216.

⁴² Аксакова В. Дневник, стр. 23. СПб. 1913.

⁴³ И. С. Аксаков в его письмах. Т III, стр. 201.

⁴⁴ Аксаков К. Записка о восточном вопросе. Центр. гос. лит. архив, ф. И. С. Аксакова (из музея-усадьбы Муранова), стр. 8—9.

⁴⁵ Тютчев А. Указ. соч Ч 2-я, стр. 112.

⁴⁶ Из архивата на Н. Геров. Т. II, стр. 398.

ограничился подачей записки, а вёл и разговоры по этим вопросам. Прямых указаний на это в распоряжении автора нет. Однако в письмах Герова упоминаются фамилии лиц, с которыми он встречался в Петербурге частным образом. Чаще других упоминается Гильфердинг, который в середине апреля 1856 г. был в Москве и встречался с московскими славянофилами. Вслед за ним следует назвать С. Н. Палаузова, Н. Д. Ступина, в начале августа назначенного консулом в Адрианополь.

Гильфердинг и Ступин представляются наиболее вероятными участниками этих разговоров. Гильфердинг был близок к чиновным и учёным сферам Петербурга и связан с петербургскими и московскими славянофилами. Оба были глубоко заинтересованы в делах болгар и других южных славян и преданы делу сближения их с Россией. С. Н. Палаузов, как менее симпатичный Герову и более далёкий от него человек, мог и не быть участником подобных замыслов.

Во всяком случае, в середине 1856 г. и в Петербурге и в Москве, в кругах, близких к славянофилам и интересующихся славянскими делами, существовала мысль о необходимости образования специального общества для поддержки просвещения и для помощи южным славянам, точнее — турецким южным славянам. В Москве эта мысль исходила из круга славянофилов. Геров указывал, что «сердцем» кружка, думавшего о создании общества, был И. С. Аксаков⁴⁷. Ему он придавал особое значение. Тошковичу он писал о предстоящем посещении Одессы Аксаковым, надеясь, что им останутся довольны, и просил сблизиться с ним. Он рассматривал И. С. Аксакова как главного представителя кружка. Говоря о том, что основная задача болгар должна заключаться в содействии со стороны «доброжелателей» двум важнейшим для болгар мероприятиям — учреждению центрального училища для подготовки учителей и священников и созданию журнала, — Геров просил, чтобы настоятельство действовало в том же смысле на Аксакова. Речь в данном случае шла о приезде И. С. Аксакова в Одессу в связи с участием его в работе комиссии кн. В. И. Васильчикова по расследованию злоупотреблений интендантства во время Крымской войны. Аксаков был в Одессе в самом конце июня (письмо от 24 июня)⁴⁸, но о встрече его и переговорах с членами настоятельства данных не имеется.

Аксаков был душою кружка. Кто же входил в него? Главным, практическим организатором комитета был А. В. Рачинский, участник Дунайской кампании, позже русский консул в Варне, в 60-х годах служивший в Польше. Сведения, идущие из среды самого Славянского комитета, так определяют роль Рачинского: «Мысль о нём (о комитете. — С. Н.) прежде всего возникла в голове А. В. Рачинского, уже знакомого тогда с болгарскими делами и желавшего организовать помощь в самой Москве учившимся в ней болгарам». Ему же, как свидетельствуют его письма Погодину, принадлежат и первые организационные усилия⁴⁹.

Как видно из уже приведённых данных, горячее участие в деле принял М. П. Погодин. В отношении других участников кружка прямых указаний у нас нет. Никаких данных об участии в нём К. С. Аксакова не имеется. В пору заграничной поездки в 1860 г. И. С. Аксаков писал от-

⁴⁷ Из архивата на Н. Геров, стр. 398.

⁴⁸ И. С. Аксаков в его письмах. Т. III, стр. 252—254.

⁴⁹ ЦГАДА, арх. Славянского комитета, д. № 1, «Доклад о десятилетней деятельности Славянского комитета, произнесённый на Всероссийской этнографической выставке», л. 3—4. Название дела ошибочно, так как никакого подобного доклада во время славянского съезда, а тем более на этнографической выставке не делалось, да и хронологически определение, данное в заголовке, явно ошибочно. В действительности цитированный документ является черновиком отчёта за второе десятилетие деятельности комитета (1868—1877). Подобного рода ошибками описи дел Московского славянского комитета буквально пестрит. Рук. отд. библиотеки имени Ленина. Архив Погодина. II. Письма Рачинского.

носителем брата: «Прежде в Москве он относился к славянам довольно равнодушно»⁵⁰. Он заинтересовался ими только за границей. Упоминания его имени в переписке Герова отсутствуют. Всё же, основываясь на содержании указанной выше записки его о восточном вопросе, — К. С. Аксакова следует признать возможным участником кружка. Нет сомнений, что Хомяков участвовал в кружке. Это соответствует приведённому его суждению по поводу Парижского мира и задач России. Об интересе его к славянам свидетельствуют близкие отношения с учившимися в Москве болгарскими: Савва Филаретов — частый посетитель и собеседник Хомякова⁵¹. Хомяков знал З. Княжеского и помогал ему деньгами⁵². Хомяков наряду с Кошелевым и Самариним финансировал издание геровского русско-болгарского словаря⁵³. Хомяков — составитель известного послания к сербам, он, так же как Кошелев и Самарин, один из учредителей Московского славянского комитета. Два других члена кружка, — по-видимому, Кошелев и Самарин, из которых последний принимал живое участие в помощи Княжескому⁵⁴. Связи, знакомства, путешествие Кошелева по славянским землям Австрии — всё это свидетельствует о живом интересе к славянству. Было бы естественно ждать упоминания имени Ф. В. Чижова, но в переписке Герова он не назван ни разу.

Пусть наши гипотезы об участниках кружка в чём-либо не точны. Во всяком случае, без всяких сомнений можно утверждать, что источником мыслей о создании славянского общества в Москве был славянофильский круг, а в нём в особенности И. С. Аксаков, Рачинский, а также Погодин. Усилия и планы Аксакова поддерживались Хомяковым. Аксакова он поддерживает и в других случаях, что видно из обстоятельств, связанных с изданием «Русской беседы».

Далее в материалах, которыми я располагаю, пробел. Он не случаен. Из своей поездки для работы в комиссии Васильчикова Аксаков вернулся лишь в самом конце (вторая половина декабря) 1856 года. Следующие три месяца он провёл над окончанием работы по изучению украинских ярмарок. В середине марта 1857 г. он выехал за границу, откуда вернулся в сентябре⁵⁵. А во всех сведениях о начале Славянского комитета говорится, что комитет образовался зимой 1857—1858 г. и в 1858 г. был утверждён. Очевидно, по возвращении Аксакова из-за границы возобновились хлопоты об организации комитета: 21 октября 1857 г. Рачинский запросил Погодина: «Не может ли осуществиться мысль об устройстве в Москве общества на пользу болгар?» Ответ, по-видимому, был положительный. Через короткий срок мы видим Рачинского действующим. В пользу идеи создания комитета удалось расположить попечителя учебного округа А. Н. Бахметьева. Последний обратился к ряду профессоров университета, к некоторым представителям журналистики. Через Рачинского же к созданной Бахметьевым инициативной группе прикнули славянофилы⁵⁶.

В пору организационных хлопот Рачинский спрашивал советов Погодина, который, как это с ним нередко бывало, и здесь в решительный момент проявил колебания и боязнь. «До 10 часов утра завтра ожидаю решения вашего: привозить ли вам подписать письмо к Горчакову о болгарях», — писал Рачинский Погодину в записке, относящейся к последним дням предварительных хлопот. Колебания Погодина завершились

⁵⁰ И. С. Аксаков в его письмах. Т. III, стр. 496.

⁵¹ Из архивата на Н. Герова. Т. II, стр. 465.

⁵² Хомяков. Соч. Т. VIII, стр. 283.

⁵³ Из архивата на Н. Герова, стр. 460.

⁵⁴ Хомяков. Соч. Т. VIII, стр. 283.

⁵⁵ По данным третьего тома переписки И. С. Аксакова.

⁵⁶ Архив Московского славянского комитета, д. № 1, л. 4.

его присоединением к прочим членам-учредителям. Дело закончилось подачей прошения за подписями тридцати одного москвича.

Мы видели, что инициатива создания комитета шла из славянофильских кругов. Очевидно, зародившись в узком кругу, идея поддержки южных славян, культурной и материальной помощи им нашла отклик не только в славянофильской и близкой к ней среде. Этот факт вполне соответствует общественным настроениям того времени. А возникновение Славянского комитета является выражением этих настроений.

Зимой 1857 г. уже бродившая мысль о создании организации для связи со славянами и помощи им оформилась. Необходимость новой организации мотивировалась потребностью противодействовать западной пропаганде на Балканах, пропаганде «латинской, иезуитской и политической (ведущейся.— С. Н.), с целью уничтожить влияние России и сочувствие к ней»⁵⁷. Задуманная организация должна была находиться в связи с петербургскими благотворительницами и одесским болгарским настоятельством. А целью её признавалось: «1) доставлять славянам денежные средства на пользу церквей, училищ и других истинно полезных учреждений, каковы общество болгарской письменности в Царьграде и народные читальнища; 2) доставлять им пособия книгами, утварью и всем тем, что может способствовать к поддержанию православия в отношении к церквам и училищам; 3) вспомоществовать в Москве молодым славянам, приезжающим для образования»⁵⁸.

Здесь очень характерны две черты: во-первых, подчёркивание необходимости вести сношения с болгарам через одесское настоятельство, и, во-вторых, то, что самый первый обзорный отчёт комитета особо отмечает в числе причин образования комитета заботу о судьбе православия в Болгарии. Историческая вражда фанариотов к славянам оттолкнула последних от царьградского патриархата. Болгары особенно остро ощущали двойное иго. Иноверная пропаганда воспользовалась недалёковидностью фанариотов, и павликиане ввели болгарский язык, американцы издали славянский перевод библии, а русские церковные книги задерживались и портились фанариотами в Константинополе, видевшими в них поддержку славянской народности. «Мысль о помощи со стороны русского общества и частных лиц южным славянам и болгарам, находившимся в столь трудных обстоятельствах,— говорится в отчёте,— возникла не раз то в Одессе, то в Киеве, то в Москве, но исполнения её не было. На сей раз эта мысль имела больший успех»⁵⁹. Две отмеченные черты невольно напоминают о внушениях Герова, предусматривавшего сношения через одесское настоятельство и выдвигавшего на первый план значение церковного вопроса.

На противодействие иностранной, в первую очередь религиозной, пропаганде, как на главную цель создания специального общества, указывает и особая записка, направленная А. В. Головнину⁶⁰, но для неё характерна несколько большая политическая заострённость этих положений. Документ отмечает, что до Крымской войны русские дипломатические миссии, консулы и агенты не оказывали покровительства православным Востока, так как состав их комплектовался из «иноверных чиновников». Наоборот, делалось всё, что могло оттолкнуть от России: переселенцев из-за Дуная устраивали плохо, инзовские колонии разоряли, бес тактно держали себя в отношении болгарских волонтеров, которых отправляли на родину под конвоем. В результате мысль сделать из них

⁵⁷ Краткий отчёт о десятилетней деятельности Славянского благотворительного комитета, стр. 2.

⁵⁸ Попов Н. Очерки религиозной и национальной благотворительности на Востоке и среди славян. Вып. I, стр. 127. СПб. 1871.

⁵⁹ Краткий отчёт... стр. 4.

⁶⁰ Там же.

сочувствующих России агентов умерла. Не удалась и другие предположения: проект открытия в Килии и Измаиле подворий русских монастырей был оставлен, намерение открыть в Болграде центральное болгарское училище отпало в связи с изменением границы в Бессарабии, задержалась организация благотворительного общества для поддержки болгарских школ в Одессе. «Между тем в Болгарии работают агенты двенадцати европейских обществ в видах иезуитского, общечеловеческого и политического образования болгар... и недалеко то время, когда греческая иерархия утратит славянскую паству, если и не в пользу римской церкви, то к полному торжеству того фривольного индифферентизма, который составляет господствующее начало духа нашего времени»⁶¹. Борьба против иноверной пропаганды и европейского рационалистического просвещения за православие, за славянский элемент против греческого и за укрепление влияния России путём поддержки национальных школ и церкви — так определяла задачу эта записка.

В заявлении, поданном на имя Горчакова, учредители ходатайствовали о высочайшем разрешении «на сбор и передачу пожертвований наших как за границу, так и внутри России и на беспрепятственные сношения... по сему предмету» с облегчением их со стороны Министерства иностранных дел и главного управления почт⁶².

Задуманный в результате совпадения трёх различных тенденций, комитет для помощи славянам оформлялся в качестве благотворительной организации. Однако благотворительность эта имела вполне очевидную политическую направленность и идеологическую окраску.

Указанные документы исходили от лица 31 учредителя из числа московских жителей. Во главе их находился попечитель Московского учебного округа А. Н. Бахметьев, за ним следовали видные профессора Московского университета: С. М. Соловьёв, технолог и экономист М. Я. Киттары, М. П. Погодин, славист О. М. Бодянский, знаменитый терапевт Ф. И. Иноземцев, историк литературы Ф. И. Буслаев, близкий Погодину ботаник и фольклорист М. А. Максимович, известный соратник Каткова по его издательским предприятиям П. М. Леонтьев, астроном А. Н. Драшусов, славист А. А. Майков, анатом И. М. Соколов.

Помимо университетской профессуры прошение об образовании комитета подписали: известный археолог основатель Археологического общества, сын знаменитого министра народного просвещения гр. А. С. Уваров, издатель «Русского вестника» М. Н. Катков, славянофилы: Ю. Ф. Самарин, К. С. Аксаков, А. И. Кошелев, А. С. Хомяков, И. С. Аксаков, известный по своей роли в создании комитета, славянофил А. В. Рачинский⁶³; близкий и к славянофилам и к Погодину, будущий издатель «Русского архива» П. И. Бартенев, московский цензор Н. Ф. фон Крузе, писатель, друг Погодина, сотрудник «Московского вестника», «Русского вестника» и других изданий — Н. П. Павлов, сын историографа, поэт А. Н. Карамзин, один из директоров попечительного тюремного комитета, кн. Ю. А. Оболенский, советник дворцовой конторы С. М. Сухотин.

Как показывает приведённый перечень учредителей, кадры их были набраны в весьма идеологически неоднородном кругу. Здесь и славянофилы, и Погодин, и противники славянофилов, и люди, повидимому, в спорах славянофилов с либералами из бывших западников, посторонние, как например Иноземцев или Сухотин, которого современник характеризует такими чертами: «Из типов истых москвичей *pur sang* запомнил я тогда (1867 г.— С. Н.)... С. М. Сухотина, всегда милого и утон-

⁶¹ ЦГАДА, архив Московского славянского комитета, д. № 58, л. 126. Записка написана, повидимому, А. В. Рачинским.

⁶² Там же, л. 125.

⁶³ Краткая его биография, см. «Русская старина». Т. XXIX за 1880 год.

чёрного любезного человека, наслаждавшегося жизнью в виде положения друга многих домов в Москве, где он обедал и проводил вечера, и между которыми он жил, деля свой день и своё сердце и посвящая их интересам светской жизни каждой минуты»⁶⁴.

Вот почему неверным является утверждение Фишеля⁶⁵ о том, что комитет создан как союз славянофилов и панславистов погодинского направления. Состав его в самый момент зарождения оказывается значительно более широким.

Комитет был утверждён царём по представлению кн. Горчакова (26 января 1858 г.), которому было представлено прошение. Комитет был поставлен в непосредственные отношения с Азиатским департаментом.

Картина возникновения комитета, представляющаяся нам в результате изучения не только русских, но и болгарских источников, в значительной степени отличается от того, что рисовалось до сих пор в литературе. Попов излагает события, связанные с возникновением комитета, начиная с подачи прошения, и тем самым отсекает весь вопрос о возникновении идеи. Фишель к этому простому изложению немногих фактических данных добавляет соображения, что в основе комитета лежало соглашение погодинско-панславистской и славянофильской групп и что комитет хотел влиять на общение славянских племён⁶⁶. Но все эти авторы сходятся между собою в том отношении, что считают образование комитета фактом русской истории. Между тем данные, приведённые выше, отчётливо свидетельствуют о том, что образование комитета — факт не только русской истории, что он может быть понят только из анализа международно-политической обстановки в России и на Балканах, что это факт, объясняющийся позицией и стремлениями русских и болгарских кругов, определившимися новыми условиями международно-политической обстановки, сложившейся после Крымской войны. Он возник в итоге совпадения интересов и стремлений болгарских буржуазных кругов, русского правительства и некоторой части русского дворянского общества.

Болгары расценивали его как способ получения русской поддержки для национальной победы. Русские учредители видели в нём способ помощи просвещению, церкви в Болгарии и вообще на Балканах, средство к сближению России и славян, средство противодействия католической и иной западно-европейской пропаганде для проведения русского понимания славянской идеи в славянскую среду. Правительство рассматривало вновь создающуюся организацию как удобное орудие для проведения русской политики на Балканах. Политика Горчакова преследовала цель укрепления русских связей с балканскими народами и устранения всего, ослабляющего крепость этих связей⁶⁷. Этому и должен был служить Славянский комитет. И то обстоятельство, что он был общественной организацией, а не официальным учреждением, могло сулить правительству значительную свободу в отношении к нему и лёгкость в проведении своих внушений, поскольку комитет был поставлен в связь с Азиатским департаментом. С другой стороны, поскольку комитет существовал как частная организация, правительство не несло ответственности за его действия.

⁶⁴ Мещерский В., кн. Мои воспоминания. Ч. 2-я, стр. 89—90. СПб. 1898.

⁶⁵ Fischel A. Der Panslavismus bis zum Weltkrieg, S. 368. St. u. Berlin. 1919.

⁶⁶ Fischel A. Op. cit., S. 368—369.

⁶⁷ Это особенно отчётливо обнаружилось в 60-х годах в связи с греко-болгарской борьбой и Балканским союзом. См. нашу статью «Русская дипломатия и ложные славяне в 60-х гг. XIX в.» в «Славянском сборнике» Института истории Академии наук СССР.